

Посконин Владимир Сергеевич

Современные французские монархисты о Великой французской революции

Французский ежегодник 1987

М.: Наука. 1989. С.122-138

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2013

Богатейшее историческое наследие Великой французской революции, произошедшей два века назад, во многом определяет облик сегодняшней Франции. Республиканский строй, режим буржуазной парламентской демократии, «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г., входящая преамбулой в ныне действующую конституцию, девиз «Свобода, Равенство, Братство», вынесенный на фронтоны общественных зданий и отчеканенный на денежных знаках, бюсты Марианны во фригийском колпаке, встречающиеся в каждой мэрии, сине-бело-красный государственный флаг, государственный гимн «Марсельеза», военные парады и народные балы в день национального праздника 14 июля — день взятия Бастилии, деление страны на департаменты, метрическая система мер и весов — таков далеко не полный перечень примет современной Франции, уходящих корнями в революционную эпоху. Наряду с политическими силами, отстаивающими революционные традиции прошлого, в стране продолжают действовать правые и крайне правые группировки, оспаривающие демократические ценности, призывающие чтить память Людовика XVI и контрреволюционных мятежников Вандеи. Так, совсем недавно усилиями католической церкви 99 участников вандейских выступлений были причислены к лику святых¹, а традиционная месса 21 января за упокой души казненного короля регулярно проходит в двух-трех десятках городов².

Хотя контрреволюционная традиция во Франции имеет весьма богатую историю, ни в советской, ни во французской исследовательской литературе нет достаточно четкого и полного представления об идейно-политических установках тех крайне правых сил Франции, которые в наши дни продолжают возводить неприятие революции в свой главный доктринальный принцип.

Немногочисленная, раздробленная, но чрезвычайно живучая прослойка крайне правых, продолжающих монархические традиции французского прошлого, включает в себя целый ряд группировок, апеллирующих к восстановлению абсолютистской власти в легитимистском, бонапартистском и орлеанистском вариантах.

Напомним, что последний прямой наследник королей бур-

бонской династии — граф Шамбор — не имел детей. По Люцернскому соглашению, заключенному между основными монархическими группировками в ноябре 1871 г., права на французский престол после смерти графа Шамбора (а умер он в 1880 г.) переходили к представителю младшей династической ветви капетингской династии. С 1880 г. главой королевского дома Франции стал внук Луи-Филиппа, т. е. представитель династии Орлеанов. Однако уже в конце XIX в. далеко не все монархисты одобряли Люцернские соглашения.

В годы Пятой республики большинство сторонников восстановления бурбонского трона объединены вокруг Всеобщей ассоциации легитимистов Франции, которая была основана в одну из годовщин казни Людовика XVI — 21 января 1957 г. В задачу ассоциации входила агитация в пользу представителя испанской ветви Бурбонов герцога Анжуйского и Сеговийского, сына короля Испании Альфонса XIII. После смерти герцога Анжуйского в 1975 г. одна часть легитимистской ассоциации объединилась вокруг его старшего сына Луи-Альфонса, герцога Бурбонского, женатого на внучке испанского диктатора Франко. Другая часть легитимистов продолжала поддерживать представителя итальянских Бурбонов — принца Франсуа-Ксавье Бурбона Пармского. Третье крыло представителей французского легитимизма, так называемые наундорфисты, объединенные в «Кружок Людовика XVII», поддерживают некоего Луи, герцога Нормандского, потомка якобы чудесным образом спасшегося сына Людовика XVI и Марии-Антуанетты, который-де весь остаток своей жизни прожил в Голландии под фамилией Наундорф.

В политико-идеологическом отношении легитимисты не отличаются большой активностью. В годы Пятой республики их деятельность ограничивается изданием бюллетеня «Легитимность» и организацией нескольких рекламных встреч с жителями Вандеи. По оценкам зарубежных политологов, легитимисты остаются «маргиналами среди маргиналов», от которых веет «кладбищенским роялизмом». Они «ностальгически сожалеют... о Франции времен Бурбонов и мечтают о средневековой патерналистской монархии, опирающейся на католическую церковь и папство; в этой монархии привилегированным положением должна пользоваться аристократия»³.

Число сторонников возрождения бонапартистского режима тоже невелико. Движение бонапартистов представлено прежде всего корсиканским «Центральным бонапартистским комитетом», а также обществом «Наполеоновская память». Бонапартисты издают газету «Знамя», группируясь вокруг Луи, принца Наполеона, который, «хотя и не участвует в активной политической жизни, тем не менее остается в глазах бонапартистов наследником им-

¹ Vendéens béatifiés? // *Ecole et la Nation*. 1984. N 348. P. 6.

² 186e anniversaire de la mort de Louis XVI // *Aspects de la France: Hebdomadaire de l'Action française*. 1979. N 1582. P. 3 (далее: А. Ф.); 188e anniversaire de la mort de Louis XVI // *Ibid*. 1981. N 1686. P. 3.

³ *Brigoueix B.* L'extrême-droite en France: Les «fachos». P., 1977. P. 161; *Dumont S.* Les brigades noires: L'extrême-droite en France et en Belgique francophone de 1944 à nos jours. Berchem, 1983. P. 10; *Petitfils J.-Chr.* L'extrême-droite en France. P., 1983. P. 6.

ператорского трона»⁴. Главными темами бонапартистской пропаганды являются «вождизм», культ вооруженной силы, обеспечивающей «величие нации», а также «внутриполитический и религиозный порядок». Вот почему часть бонапартистов поддерживает контакт с голлистами, а часть сблизилась с неофашистами⁵.

В отличие от группировок легитимистского и бонапартистского толка, чье влияние на политическую жизнь современной Франции практически отсутствует, движение сторонников реставрации орлеанистского престола выглядит относительно более многочисленным и сплоченным. Оно претендует на монопольное выражение монархических идеалов, следуя в русле основных принципов легитимизма. Верные Люцернскому соглашению, эти монархисты объединены вокруг Генриха, графа Парижского — далекого потомка королей Генриха IV и Луи-Филиппа. Именно на него еще в 30-е годы нашего столетия сделала ставку старейшая французская монархическая лига «Аксьон франсэз» («Французское действие»), у истоков которой в конце XIX—начале XX в. стоял известный идеолог монархизма Ш. Моррас. Как отмечают советские исследователи, эта организация «долгое время оставалась не только наиболее крупным движением крайне правого толка, но и интеллектуальным центром реакции»; она «воспитала в своих рядах многих деятелей французского фашизма» и «оказала значительное влияние на... формирование идеологии различных правых политических течений отнюдь не только во Франции»⁶.

В межвоенные годы «Аксьон франсэз» была тесно связана с фашистским движением, хотя и стремилась с ним полностью не солидаризироваться. Она сыграла роль «связующего звена» между реакционными националистическими лигами конца XIX в. и фашистскими организациями 30-х годов⁷. В годы второй мировой войны эта лига поддерживала правительство маршала Петена, что и послужило причиной ее запрета и ареста ее лидеров в 1944 г.

Однако уже на следующий год избежавшие арестов активисты распущенной «Аксьон франсэз» основали «Центр политической и социальной документации» с печатным органом «Националь-

ные документы». В июне 1947 г. усилиями монархиста Ж. Кальзана этот бюллетень был преобразован в журнал «Аспе де ля Франс» («Облики Франции»), первые буквы названия которого «А. Ф.» вполне прозрачно намекали на стремление продолжить дело, начатое «Аксьон франсэз». Тот факт, что руководство этим журналом осуществлялось самим Моррасом из его тюремной камеры⁸, до поры до времени скрывался от французской общественности. Впервые с подзаголовком «Еженедельник „Французского действия“» журнал вышел 14 июля 1950 г., а в 1955 г. сложившаяся вокруг него ассоциация «Друзья „Аспе де ля Франс“» была преобразована в организацию, название которой «Национальная Реставрация. Центр роялистской пропаганды и „Французского действия“» окончательно устраняло какую-либо недоговоренность в определении целей и смысла ее борьбы⁹. До 1980 г. генеральным секретарем «Национальной Реставрации» был П. Жюэль, а после его смерти этот пост перешел Г. Стейнбаху. «Национальная Реставрация» поддерживает тесный контакт с Институтом «Французского действия», Институтом Жака Бенвиля, обществами друзей Ш. Морраса и Ж. де Местра, комитетами «Вандейская память», «Белая гвоздика» и рядом других организаций монархического толка. Осенью 1981 г. в состав «Национальной Реставрации» вошли пять региональных Союзов роялистов, ранее действовавших самостоятельно¹⁰. Объединение располагает сетью провинциальных, студенческих и женских филиалов. Каждое лето оно устраивает двухнедельные молодежные сборы, названные в честь основателя лиги «Королевских молодчиков» — студенческого филиала «Аксьон франсэз» — «Сборами Максима Реаль дель Сарта»¹¹. Другими формами деятельности «Национальной Реставрации» являются организация традиционных майских шествий в день памяти Жанны д'Арк, январские мессы за упокой души Людовика XVI, различного рода благотворительные мероприятия, митинги и собрания, пропагандирующие монархические идеалы, распространение общеполитического еженедельника «Аспе де ля Франс» и ежеквартального доктринального журнала «Тетради „Французского действия“» (в 1971—1981 гг. он выходил под названием «Студенческое „Французское действие“»). В общенациональных избирательных кампаниях «Национальная Реставрация» не участвует.

Главную цель своей деятельности эта организация видит в том, чтобы «углублять и пропагандировать доктрину интегрального национализма, выработанную Моррасом и „Аксьон франсэз“»

⁴ *Coston H.* Dictionnaire de la politique française. P., 1979. P. 741.

⁵ *Ibid.* P. 146; *Brigouleix B.* Op. cit. P. 23, 24.

⁶ *Коваленко В. Г.* К вопросу об идейно-политических концепциях лиги «Аксьон франсэз» // Французский ежегодник, 1985. М., 1987. С. 87. Характеристику взглядов Морраса и деятельности «Аксьон франсэз» до второй мировой войны см. также: *Рубинский Ю. И.* Клерикализм и политическая борьба во Франции на рубеже XIX и XX веков // Там же, 1972. М., 1974; *Наринский М. М.* Шарль Моррас и «Аксьон франсэз» до первой мировой войны // Там же. 1976. М., 1978; *Ачкинази Б. А.* «Аксьон франсэз» и правоэкстремистские группы в начале 1920-х годов (К генезису французского фашизма) // Проблемы новейшей истории Франции. Рязань, 1985.

⁷ *Егоров Ю. В.* Фашистские организации во Франции накануне февральских событий 1934 г. // Очерки всеобщей истории. Л., 1969. С. 56.

⁸ *Aspects de la France. 35 ans d'Action française* // A. F. 1981. N 1714. P. 7.

⁹ *La Restauration Nationale. Centre de propagande royaliste et d'Action française* // *Ibid.* P. 6.

¹⁰ *La fusion de la Restauration Nationale et des Unions royalistes est réalisée* // *Ibid.* N. 1720. P. 3.

¹¹ *Отчеты о деятельности таких сборов см.: A. F. Dans les pas des vendéens* // *Ibid.* N 1714. P. 11; *Baston E.* Le camp Maxime Real del Sartre 1982 // *Ibid.* 1982. N 1764. P. 7.

и оказывать всемерную поддержку нынешнему главе королевского дома графу Парижскому в его стремлении «восстановить королевскую власть»¹². Главные принципы, «под которыми подписывается каждый член „Национальной Реставрации“», сформулированы следующим образом: «1) без ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА (здесь и далее выделено руководством «Национальной Реставрации». — В. П.) для людей, живущих в обществе, невозможны ни безопасность, ни счастье, ни честь; 2) только НАЦИЯ представляет собой достаточно широкую человеческую общность, для того чтобы позволить людям в их историческом усилии улучшить нравы, добиться законов и других достижений гуманной цивилизации; 3) РЕСПУБЛИКАНСКИЙ РЕЖИМ таит в себе смертельную опасность для Франции; 4) только реставрация ТРАДИЦИОННОЙ МОНАРХИИ может спасти страну»¹³.

Помимо «Национальной Реставрации» и провинциальных «Союзов роялистов» претензии графа Парижского на французский трон поддерживает весьма малочисленная монархическая организация «Новое Французское действие», возникшая в 1971 г. Ее лидер — молодой политолог Б. Ренувен — принимал участие в президентских выборах 1974 г., набрав ничтожное количество голосов. Он слывет «особым роялистом», которому не чужды идеалы прогрессизма¹⁴.

* * *

Социальной философией подавляющего большинства современных французских монархистов продолжает оставаться традиционализм. Это учение, отмечал либеральный французский политолог Ж.-К. Птифис, «базируется на увековечении естественного порядка и регулирующих его механизмов. Отсюда вытекает концепция политического и социального порядка, который законен уже сам по себе в силу естественных и исторических причин. Отсюда же вытекает ненависть этой школы к общим и абстрактным идеям, приверженность к древним обычаям, равенству, социальной иерархии, посредническим институтам, жестко фиксирующим человеческую личность (семья, ремесло, коммуна, провинция...). Идеальное общество мыслится как живой организм, чья судьба важнее судеб составляющих его клеток. Следовательно, по отношению к обществу у человека больше обязанностей, чем прав»¹⁵.

В первые десятилетия XX в. существенный вклад в теоретическую разработку подобных идей, уходящих корнями в сочинения Э. Бёрка, Ж. де Местра, Л. де Бональда, внес Ш. Моррас, которого современные французские монархисты объявляют своим «высокоцитимым учителем», видя в нем «величайшего политического

мыслителя нашего времени», сумевшего «найти противоядие от демократического вздора»¹⁶. В таком же духе отзывается о Моррасе и граф Парижский. «Моррас, — писал он, — казалось, добавил священного масла в монархическую лампаду, зажженную „Аксьон Франсэз“», и часто «выглядел большим роялистом, чем сам король». Его «исключительный, благородный и активный ум», отмечал представитель орлеанской династии, открывал перед графом Парижским «соблазняющие миражи энергичной мысли»¹⁷.

Доктрина основателя «Аксьон Франсэз» называлась «интегральным национализмом». Моррас объяснял, что подобно «интегралу, который представляет сумму всех величин алгебраической функции», монархия якобы «удовлетворяет и соответствует всем нуждам французской нации». Только монархия, по мнению Морраса, могла решить все стоящие перед страной проблемы в согласии с национальным интересом. И прежде всего монархия призвана «исправить ошибки» и «ликвидировать последствия революции 1789 г.»¹⁸.

Другими базовыми элементами мировоззрения французских монархистов XX в. являются воинствующий католицизм и антимарксизм. «Любое христианское образование, верное Евангелию и Традиции, — писала сотрудница „Аспе де ля Франс“ М.-Ф. Тарде, — должно воспитывать реакцию безусловного неприятия марксистской идеологии»¹⁹. Политический директор «Аспе де ля Франс» П. Пюжо в одной из своих статей с характерным подзаголовком «Дадим отпор марксистам!» требовал повсеместно противопоставлять марксизму и атеизму «лозунги интеллектуальной и политической контрреволюции»²⁰. Многие монархисты достаточно определенно высказывались против самой идеи прогресса: «Мы — реакционеры и горды этим», — заявил под аплодисменты присутствовавших один из лидеров «Федерации Союзов роялистов, Ж. де Гюбернатис, на собрании монархистов 5 мая 1984 г.»²¹.

В таком идейно-политическом контексте Великая французская революция изображается современными монархистами как «период мрачный и трагический», отмеченный «бессмысленным кровавым безумством» и «бесконечной вереницей преступлений, совершенных от имени свободы», как «сатанинское восстание

¹² Le combat royaliste: Principes fondamentaux // Ibid. 1981. N 1714. P. 8.

¹³ Ibid.

¹⁴ Brigouleix B. Op. cit. P. 150; Dumont S. Op. cit. P. 10.

¹⁵ Petitfils J.-Chr. Op. cit. P. 7.

¹⁶ Le 110e anniversaire de Charles Maurras // A. F. 1978. N 1543. P. 6; Pujot P. Non, Maurras n'est pas archaïque! La querelle de la France // Ibid. 1979. N 1580. P. 3; Clément B. Charles Maurras et le surnaturel // Ibid. N 1627. P. 10; Fromentoux M. Le sixième colloque Charles Maurras // Ibid. 1980. N 1649. P. 8.

¹⁷ Henri, comte de Paris. Mémoires d'exil et de combats. Au service de la France. P., 1979. P. 74, 75, 73, 76.

¹⁸ Цит. по: Коваленко В. Г. Указ. соч. С. 92.

¹⁹ Tarder M.-F. Enseignement: la menace du totalitarisme // A. F. 1978. N 1536. P. 7.

²⁰ Pujot P. Les socialistes capitulent sans conditions. Non aux marxistes! // Ibid. N 1538. P. 1, 3.

²¹ La seule riposte aux socialistes c'est l'Action française // Ibid. 1982. N 1751. P. 10.

против естественного и божественного порядка, установленного демиургом»²². По мнению графа Парижского, «величайшая добродетель монархии состоит в том, что она четко и недвусмысленно воплощает в себе государственную власть». А с того времени, как Франция обезглавила короля, «она живет в смертном грехе»²³.

Одной из характернейших черт монархической публицистики является безудержная апология эпохи Старого порядка, королей и королев, «создавших Францию», поскольку-де «только вековые добродетели наследственной монархии способны воплощать в себе подлинные национальные интересы французов»²⁴. По мнению Пюжо, «абсолютная монархия никогда не была деспотичной. Она обеспечивала независимость власти от заговорщических политических сил и различных групп давления; она позволяла королю внимательно следить за великими начинаниями национального масштаба и осуществлять роль арбитра между частными и коллективными интересами. В глазах французов абсолютной монархии соответствовала эпоха великой свободы... Когда же свобода, возведенная в ранг абстракции, стала безумной, произошла Революция»²⁵.

Стремясь доказать, что накануне 1789 г. «Франция была самой процветающей и самой свободной страной Европы»²⁶, современные монархисты тщательнейшим образом собирают аргументы, способные, на их взгляд, реабилитировать царствование Людовика XVI перед лицом истории. Последний король Бурбонской династии рисуется ими как «предвестник современной цивилизации», «защитник сельских общин», «гарант неприкосновенности коммунальных земель, сдерживавший алчность феодалов», как «тонкий дипломат и щедрый меценат», как «блестящий стратег», при котором «в военную историю Франции были вписаны самые яркие страницы»²⁷. При Людовике XVI «сельское дворянство заботилось об общественном благе не менее ревностно, чем дворянство шпаги»; старая монархия «проявляла мудрость в решении социальных проблем, особенно касавшихся защиты бедняков»; «произошла счастливая реорганизация армии: появились такие технические новшества, как пушка Грибовала, воспитан прекрас-

ный корпус сержантов и профессиональных солдат, взлелеян талант таких офицеров, как Дюбуа-Крансе и Карно»²⁸.

Вопреки республиканской легенде о «маленьком, пузатом и плаксивом короле», Людовик XVI, по утверждению П. Масто, «хотя и не отличался худобой, был высокого роста» (не менее 1,86 м). Он был «неутомимым тружеником, работавшим даже по ночам». Монарх обладал «твердой волей», о чем свидетельствовали его «энергичные и трезвые распоряжения». Истинная память о Людовике XVI, пишет далее Масто, «находится под официальным запретом, чтобы не будить памяти о злодеяниях, совершенных „нашими великими предками“ в годы революции»²⁹. У истоков «черной республиканской легенды о Людовике XVI», заявляют монархисты, стояли «бесстыжие законодатели-крючкотворы 1793 г.», которые отказывались признать, что «королевство лилий — единственная совершенная модель земной человеческой цивилизации»³⁰. Именно революционеры объяснили причины Вареннского кризиса «попыткой бегства короля за границу», тогда как Людовик XVI этого якобы и в мыслях не держал, поскольку «всего лишь хотел попасть в замок Монмеди, находившийся, действительно, рядом с Бельгией»³¹. Революционеры первыми распространили «черную легенду о голоде в годы Старого порядка» и положили начало историографической традиции — «смешивать средневековое рыцарство с грязью»³². По мнению Ж. Вальмона и М. Фроменту, истинные причины свержения Людовика XVI следует искать не в архаизме институтов королевской власти, а в том, что король «был слишком добр» и накануне своей гибели «помиловал слишком многих негодяев»³³.

Монархист М. Савари решительно встал на защиту «благородной и несчастной» королевы Марии-Антуанетты, чей образ «издавна был предметом клеветнических нападок со стороны левых». Савари стремится доказать, что-де совершенно напрасно в народе прозвали Марию-Антуанетту «Австриячкой», так как «в ее жилах текло не меньше французской крови, чем в жилах ее мужа». Она — «самая французская из всех французских королев». Савари изображает Марию-Антуанетту как «высокообразованную покровительницу наук и искусств», «создавшую больницы и приюты для бедных», королева «отличалась политическим трезвомыслием и спокойной смелостью перед лицом опасности».

²² *Le Foyal J.* La semaine des forces armées aux Antilles // *Ibid.* 1978. N 1546. P. 4; *Fromentoux M.* La Révolution, ennemi de l'homme // *Ibid.* N 1552. P. 9; *Morvan J.-B.* Pour le 21 janvier // *Ibid.* 1983. N 1784. P. 12; *Henri, comte de Paris.* Préface // Louis-Philippe. Mémoires. P., 1973. T. 1. P. XV.

²³ *Henri, comte de Paris.* Mémoires d'exil et de combats. P. 230, 326.

²⁴ *J. L. G. Michel Fromentoux à Chateau-Gontier* // A. F. 1979. N 1604. P. 2.

²⁵ *Pujo P.* La France malade du libéralisme // *Ibid.* 1980. N 1681. P. 1.

²⁶ *Pujo P.* Faire échec à la gauche pour éviter le pire // *Ibid.* 1978. N 1536. P. 3.

²⁷ *Petit E.* 1788, ou les paysans victimes de la Révolution // *Ibid.* N 1541. P. 7; *Houen L.* «1788», les paysans et le roi // *Ibid.* N 1543. P. 11; *Roincé J. de.* Les travailleurs, victimes de la Révolution // *Ibid.* N 1566. P. 8; *Tarder M.-F.* De Louis XVI à la Révolution // *Ibid.* 1979. N 1581. P. 14; *Guillotet R.-L.* La règne de Louis XVI et la guerre de l'indépendance américaine // *Ibid.* N 1586. P. 8; Louis XVI, Précurseur // *Ibid.* 1980. N 1647. P. 16.

²⁸ *Petit E.* 1788... P. 7; *Houen L.* Le partage des terres, une oeuvre royal // A. F. 1978. N 1546. P. 8; *Pillorget R.* «Robespierre, prophète de la Révolution» // *Ibid.* N 1550. P. 9.

²⁹ *Masteau P.* Justice pour Louis XVI // *Ibid.* 1980. N 1653. P. 8.

³⁰ *Silve de Ventavon J.* Enquête sur le procès du roi Louis XVI // *Ibid.* 1982. N 1780. P. 8.

³¹ *A. S.* A propos de la «Nuit de Varenne» // *Ibid.* N 1753. P. 9.

³² *Pillorget R.* Pierre Gaxotte historien, 1895—1982 // *Ibid.* N 1777. P. 10; *Le Grand Ph.* La désinformation par les manuels scolaires // *Ibid.* 1983. N 1794. P. 7.

³³ *Valmont J.* Bernard Fay: «Rivarol et la Révolution» // *Ibid.* 1978. N 1563. P. 10; *Fromentoux M.* La Contre-Révolution nécessaire // *Ibid.* 1981. N 1688. P. 11.

Она «знала немецкий, французский, итальянский и латинский языки, играла на арфе и клавесине, сочиняла музыкальные пьесы — ее учителем был известный композитор Глюк». Левая традиция, заявил далее Савари, «совершенно необоснованно обвиняет ее в расточительстве». Построенный в Версале по ее приказу «Малый Трианон» был «маленькой молочной фермой, которая стоила гораздо меньше, чем война за американскую независимость»³⁴. А монархист Р.-Л. Гиллотель заключал: «... было бы исторически несправедливо представлять царствование Людовика XVI как инвентарный список причин и корней революции... Революции можно было легко избежать»³⁵.

Граф Парижский связал причины падения монархии Старого порядка с тем, что, с одной стороны, Людовик XVI — этот «здравомыслящий и искушенный в административных делах правитель» — столкнулся с «феодальной реакцией» и с «экономическим и региональным партикуляризмом группы эгоистически настроенных дворян», а двор пытался «диктовать королю свою волю, запрещая ему проводить в жизнь собственную политику»³⁶. С другой стороны, король «стал жертвой теологических споров предыдущего века», иными словами, пожинал «отравленные плоды протестантского заговора»³⁷.

По мнению директора Института «Французского действия» М. Фроменту, «в годы Старого порядка гугеноты Лаффема и Мончерстейн, затем шотландец Лоу, потом пруссо-женевец Неккер попытались навязать Франции свою идеологию. Но главным был Ж.-Ж. Руссо — враг любой объективности. Этот гражданин Женевы опубликовал во Франции знаменитый „Общественный договор“ — труд, в котором содержалась теория, глубоко чуждая монархической Франции...»³⁸. Таким образом, философия французского Просвещения выдается монархистами за «монумент протестантской интоксикации», которую-де вели «софист из софистов» Руссо, «готовивший своими теориями приход всех современных тираний», и «масон» Вольтер, «символ всей человеческой злобы», который «издевался над всем, все разрушал, оставляя после себя пустоту»³⁹. В глазах правоверных католиков, выступающих за реставрацию монархии, протестантизм плох особенно тем, что нес в себе «зерна индивидуализма и либерализма»,

изображаемые как «интеллектуальная болезнь, причинившая столько бедствий и подготовившая худшие эксцессы революции»⁴⁰.

Нет такого аспекта Великой французской революции, который не продолжал бы вызывать злобную реакцию у современных монархистов. Однако в наибольшей степени они ополчились против идеи демократической республики. Отталкиваясь от представления о монархии как о «единственном воплощении законной и преемственной власти», являющейся «хранительницей важнейших традиционных ценностей»⁴¹, монархисты заявляли и заявляют, что «республика делает невозможным установление во Франции политического порядка: она разрушает национальное сообщество, раздирая ткань национального единения, и кладет конец исторической преемственности в любой ее форме. Своими базовыми доктринами — **ЛИБЕРАЛИЗМОМ** и **ДЕМОКРАТИЕЙ** — республика подрывает государственную власть... Подчиненный фальшивым принципам, республиканский режим выступает как **ВОЗВЕДЕННЫЙ В СИСТЕМУ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСПОРЯДОК**. Он разрушает власть, отданную на откуп борьбе партий. Он лишает государство свободы, строгости и преемственности политического действия. В то же время с помощью предвыборной демагогии он вмешивается во все детали частной жизни и парализует жизнь страны удушающим дирижизмом. Таким образом, республиканский режим представляет собой постоянную угрозу независимости и единству нации, управление которой он отдает на откуп анонимным олигархиям, денежным воротилам и группам иностранного давления. Между различными слоями французов он поддерживает состояние гражданской войны, которой не видно конца»⁴². Начиная со времен Великой французской революции, «президентские выборы или выборы в Национальное собрание в определенные интервалы времени каждый раз ставят жизнь нации под вопрос». Внешнеполитический курс, экономическая, социальная, финансовая политика, национальная оборона, образование, личное имущество граждан и другие условия их существования «в ходе каждой электоральной кампании стоят на грани серьезнейшей встряски». Избирательные урны «стали ящиками Пандоры», а республиканский режим «превратился в режим-самоубийцу, где новый Сатурн — Демос — пожирает своих детей»⁴³. Изображая республиканскую форму власти «зловещей машинерией», «театром абсурда», «лавочкой извращений» и «Олимпом пигмеев для опустившихся народов», монархисты заявляли, что «Аксьон франсэз» никогда «не прекратит напоми-

³⁴ *Savary M.* Dictionnaire des idées reçues // Ibid. 1978. N 1540. P. 6; *Idem.* Emerveillement // Ibid. N 1545. P. 9; *Idem.* Sources royales // Ibid. N 1565. P. 16.

³⁵ *Guillotet R.-L.* Op. cit. P. 8.

³⁶ *Henri, comte de Paris.* Préface. P. IX, X.

³⁷ Ibid. P. XI; *Fromentoux M.* Mai 1968: «Dieu n'est pas un conservateur» // A. F. 1978. N 1547. P. 4.

³⁸ *Fromentoux M.* La vraie France contre M. Peyrefitte // A. F. 1979. N 1601. P. 13.

³⁹ *Morvan J.-B.* Deux cents ans après... // Ibid. 1978. N 1538. P. 12; *Fromentoux M.* Voltaire le demolisseur // Ibid. N 1548. P. 9; *Idem.* Rousseau, empoisonneur des intelligences // Ibid. N 1553. P. 6; *Masteau P.* Voltaire à la Bibliothèque Nationale // Ibid. 1979. N 1588. P. 10; *Lebaindre H.* Les méfaits de la Révolution // Ibid. 1980. N 1640. P. 11. 8; *Le Grand Ph.* Op. cit. P. 7.

⁴⁰ Le 110e anniversaire de Charles Maurras. P. 6.

⁴¹ *Henri, comte de Paris.* Mémoires d'exil et de combats. P. 370, 379.

⁴² Le combat royaliste. Principes fondamentaux. P. 8.

⁴³ *Pujo P.* Faire echec à la gauche pour éviter le pire // A. F. 1978. N 1536. P. 1; *Cochet J.* Cent ans de République: La boutique aberrante // Ibid. N 1538. P. 6; *Murat A.* Cacophonie électorale ou véritable représentation // Ibid. N 1638. P. 6.

нать истинную причину французских бед, которая коренится в демократии»⁴⁴.

Не меньшим «злом» в глазах монархистов являются принципы «Свободы, Равенства и Братства», провозглашенные в годы Великой французской революции. Объявив их «старым франкмасонским стремлением вытравить любую веру в трансцендентную истину», М. Фроменту заявил, что «мир, построенный на догме „прав человека“ — догме равного права всех мыслить и действовать независимо от традиции и власти, — этот мир будет означать отказ от любого порядка и конец любой преемственности в общественных институтах»⁴⁵. В статье «Лицемерная богиня Свобода» Ж.-Б. Морван призвал покончить с «революционной и нигилистической религией свободолюбия», ибо она «питает и вооружает значительное число социальных паразитов» и, будучи «родной сестрой смерти», доходит до того, что «оправдывает террористов 1793 г. и нацистских преступников» времен второй мировой войны⁴⁶. Идеи абстрактного равенства, заявлял тот же Морван, «противоречат естественному порядку вещей». Что же касается понятия «братство», то оно «становится пустым звуком в обществе, где оспаривается ценность любой власти и подвергается сомнению любая общественная структура патерналистского или семейного характера». Таким образом, «религия прав человека» оборачивается «самой непристойной из всех уловок»⁴⁷. А поскольку эта религия «вытекает из ложной концепции, что каждый человек — носитель суверенности», то она «имеет смысл, диаметрально противоположный христианской вере»⁴⁸. Она «неизбежно ведет к моральному и интеллектуальному разложению общества», логическим концом которого может быть только смерть⁴⁹. Общий вывод, сформулированный Морваном, таков: «Не бывает „розовых революций“ — за каждой из них маячит кровавый призрак гильотины. «Смерть Людовика XVI — нечто большее, чем простой исторический эпизод, каким бы важным он ни был. Революция продолжается во Франции и во всем мире. 21 января — это день, который не кончается. . .» Вот почему, «потеряв свою душу, Франция до сих пор не может выбраться из грязи». До сих пор она не может понять, что «гильотина — это закрытая дверь в будущее», что «нацеленная против бога, революция постоянно оборачивается против человека»⁵⁰.

Не видя в революционной эпохе ничего, кроме «полосы кровавого иступления», современные монархисты стремятся любой ценой дегероизировать все крупные фигуры французского революционного прошлого. Так, «гошистский авантюризм» Мирабо они объясняли «безумством и садистскими наклонностями, унаследованными им от отца»⁵¹. Дантон, который «организовал или позволил организовать сентябрьскую резню», изображается ими как «отъявленный демагог, считавший, что народная воля существует лишь для того, чтобы ее попить»⁵². Робеспьер для монархистов — «безрассудный честолюбец», «угрюмый тиран», «ужасный террорист-истребитель, который по колено в крови шел к земле обетованной, имя которой — тоталитаризм»⁵³. Галерею портретов политических вождей революции дополняют «глуповатый» Лафайет, «архангел смерти» Сен-Жюст и «зловещий» Фукье-Тенвиль⁵⁴. Представляя Великую французскую революцию сплелением нелепых случайностей, историк-монархист Р. Пиллорже объяснил приход Барнава в революционный лагерь исключительно тем, что «однажды в театре некий малоучтивый дворянин согнал его мать с места, которое она занимала»⁵⁵. Если бы Людовик XVI не был случайно задержан в Варенне, заявлял Морван, то не произошло бы «трагедии 21 января», «Дантон был бы помилован и закончил бы свои дни адвокатом в каком-нибудь захолустном городке Шампани, Марат торговал бы „магическими“ лечебными снадобьями, Робеспьер корпел бы над своими мемуарами в каком-нибудь германском княжестве»⁵⁶.

Характернейшей чертой современной монархистской публицистики является ее упорное желание возвести в ранг национальных героев тех, кто в конце XVIII в. «верой и правдой служил церкви и королю». Как и контрреволюционеры последней трети XVIII в., современные монархисты продолжают поддерживать культ «нормандской героини» Ш. Корде, убившей революционера Марата, «великих шуанов» Кадудала, Мерсье и Фротте, писателя-эмигранта Ривароля, «чье перо стоило дворянской шпаги», швейцарских наемников, защищавших королевскую резиденцию во время событий 10 августа 1792 г., преданного лейтенанта личной охраны королевы Казотта, барона де Кастельно, «продемонстрировавшего пример верности», находясь на службе у эмигрировавшего графа д'Артуа, фанатичной монархистки Эме де Куани,

⁴⁴ *Cochet J.* Cent ans. . . P. 6; *Pujo P.* A nos amis // A. F. 1978. N 1543. P. 3; *Idem.* La république, malchance de la France // Ibid. 1982. N 1687. P. 3; *Petit E.* Cette reine prostituée de la démocratie // Ibid. 1981. N 1704. P. 4; *Houssaye J.* Vauter utile // Ibid. N 1709. P. 12; *Pujo P.* Le Roi sans tarder! // Ibid. 1982. N 1765. P. 3.

⁴⁵ *Fromentoux M.* La religion des «Doits de l'homme» // Ibid. 1978. N 1565. P. 11.

⁴⁶ *Morvan J.-B.* Liberté, déesse équivoque // Ibid. N 1550. P. 12.

⁴⁷ *Morvan J.-B.* Inventaire de la fraternité // Ibid. N 1542. P. 12.

⁴⁸ Liberté—Egalité—Fraternité selon Mgr Elchinger // Ibid. 1981. N 1712. P. 6.

⁴⁹ *Fromentoux M.* La Révolution, ennemi de l'homme. P. 9; *Idem.* Le Droit de l'homme. . . au suicide // A. F. 1982. N 1766. P. 7.

⁵⁰ *Morvan J.-B.* Pour le 21 janvier. P. 12.

⁵¹ *Leger F.* Sur Mirabeau // A. F. 1983. N 1785. P. 13.

⁵² *Petit E.* Vraie terreur et fausse vertu // Ibid. 1982. N 1761. P. 2; *Lakis A.* «Danton» // Ibid. 1983. N 1784. P. 8.

⁵³ *Pillorget R.* «Robespierre, prophète de la Révolution». P. 9; *Leger F.* Lectures allemandes // Ibid. 1979. N 1602. P. 9; *Petit E.* Vraie terreur. . . P. 2; *Idem.* Maximilien Khomeini // Ibid. 1983. N 1783. P. 4.

⁵⁴ *Morvan J.-B.* Le Treize Vendémiaire // A. F. 1978. N 1567. P. 8; Un génocide révolutionnaire // Ibid. 1979. N 1609. P. 12; *Valmont J.* Louis Madelin: «Les hommes de la Révolution» // Ibid. N 1621. P. 15; *Pillorget R.* La Révolution au Musée de l'histoire de France // Ibid. 1982. N 1754. P. 4.

⁵⁵ *Pillorget R.* «Robespierre, prophète de la Révolution». P. 9.

⁵⁶ *Morvan J.-B.* Royauté, frondes et révolutions. A. F. 1979. N 1582. P. 12.

«стремившейся восстановить Людовика XVIII на престоле его предков», и многих других⁵⁷.

Особые симпатии монархисты продолжают испытывать к контрреволюционным мятежникам Вандеи. Это событие, как они заявляют, было «великолепным противоядием революционным лозунгам»⁵⁸. Повстанцы, считает Морван, «отнюдь не были безграмотными селянами, которых обманули их сеньоры и фанатичные священники»⁵⁹. Вполне осознанно выступив против врагов короля и «безбожной» республики, они «подали благородный пример веры, смелости, преданности» и тем самым достигли «высот шекспировского величия», сравнимого лишь с величием Жанны д'Арк⁶⁰. О «великих часах Вандеи» нередко думал и нынешний претендент на французский трон⁶¹. По мнению Ж. де Руансе, если вандейцы и «допускали некоторую жестокость» по отношению к республиканцам, то якобы лишь потому, что революция «установила в Вандее микрокосм гитлеровского III Рейха», проводя в жизнь «тактику выжженной земли»⁶². Желание обвинить революционеров в «слепом геноциде» у монархистов настолько велико, что, к примеру, данные о казненных вандейцах городка Клиссона, приведенные «Аспе де ля Франс» в марте 1979 г., к июлю того же года без каких-либо объяснений и оснований неожиданно выросли более чем в два раза⁶³. Стремление же возвеличить вандейских головорезов дошло до того, что их мощи (в частности, хранящиеся в часовне Аврилье близ Анжера) были объявлены «чудодейственными»: прикоснувшись к ним, будто бы «один слепой прозрел, вылечился один астматик, один паралитик начал ходить, прекратились горловые кровотечения у молодого человека, страдавшего туберкулезом, а один подросток полностью оправился от спинномозговой травмы»⁶⁴.

В целях увековечения культа контрреволюционной Вандеи монархисты широко освещали ход реставрационных работ, проводимых под эгидой комитета «Вандейская память»⁶⁵, рекламиро-

вали книги, спектакли, музейные выставки, телепередачи о «верной богу и королю стране героев»⁶⁶; в окрестностях городка Больё-сюр-Лайон в сентябре 1981 г. торжественно открыли скульптурный памятник неизвестному вандейцу, имевшему черты портретного сходства с одним из лидеров «Аксон франсэз», М. Реаль дель Сартон⁶⁷; приветствовали инициативу парижского Монетного двора отчеканить памятную медаль в честь вандейца Шаретта⁶⁸. Вандея остается излюбленным местом различных сборищ современных французских монархистов⁶⁹.

Сторонники восстановления королевской власти призывали французское правительство отказаться от празднования 200-летнего юбилея Великой французской революции и «не зажигать чадающих фонарей праздника» в честь «ложных идолов и суеверий»⁷⁰. В ход был пущен даже такой аргумент: вибрация и выхлопные газы боевой техники на традиционных военных парадах в день взятия Бастилии якобы стали главными причинами разрушения конных скульптурных статуй XVIII в., расположенных в начале Елисейских полей⁷¹.

Не знающая пределов ненависть к Великой французской революции и постоянно поддерживаемый культ ее врагов сочетаются у современных монархистов со стремлением представить королевскую власть и католическую веру единственно «разумной» альтернативой. Ибо, как заявил монархист Р. Гоб, «король на престоле необходим для того, чтобы его подданные могли вольно жить в своих коммунах; король необходим для осуществления децентрализации и расцвета отдельных регионов. Только тогда можно будет говорить о подлинной свободе. Король, наследующий свою власть от бога, служит народу; он суверен всех наших свобод, которые расцветут в естественных и конкретных людских сообществах. Святое братство перед богом явится залогом достоинства человека и подвигнет людей к осознанию их долга; братская любовь будет возможна, „потому что этого хочет бог“; отправление власти вновь вернется к своему фундаментальному принципу — принципу животворной любви»⁷².

Любые другие варианты «наведения порядка» во Франции монархисты решительно отвергают. В упрек неофашистам и «но-

⁵⁷ Masteau P. La médaille de Charlotte Corday // Ibid. 1978. N 1541. P. 10; Roincé J. de. Quelques pèlerinages chouans // Ibid. N 1558. P. 8; Leger F. «Les Chouans» de Jehan-François Chiappe // Ibid. 1982. N 1771. P. 13; Valmont J. Bernard Fay: «Rivarol et la Révolution» // Ibid. 1978. N 1563. P. 10; Savary M. Fidélité helvétique // Ibid. N 1559. P. 8; Idem. Cazotte le jeune // Ibid. N 1574. P. 13; Pillorget R. Livres nouveaux sur la France d'avant 1789 // Ibid. 1981. N 1708. P. 7; Valmont J. Aimée de Coigny, la jeune captive // Ibid. N 1700. P. 9.

⁵⁸ Leger F. La Vendée en armes // Ibid. 1982. N 1748. P. 9.

⁵⁹ Morvan J.-B. En marge du 14 juillet: L'esprit de la Révolution // Ibid. N 1759. P. 12.

⁶⁰ Ferrier P. Le souffle de la Vendée // Ibid. N 1753. P. 10; Leger F. La Vendée en armes. P. 9; «Henri de la Rochejaquelein et la guerre de Vendée» // A. F. 1981. N 1709. P. 11.

⁶¹ Henri, comte de Paris. Mémoires d'exil et de combats. P. 77.

⁶² Roincé J. de. Chouans et Vendéens, n'oubliez pas les crimes des républicains! // A. F. 1981. N 1701. P. 14.

⁶³ Ср.: Murais S. Colonnes infernales // Ibid. 1979. N 1590. P. 6; Un génocide révolutionnaire. P. 12.

⁶⁴ Roincé J. de. La chapelle du Champ des Martyrs d'Avrillé sera sauvegardée // A. F. 1979. N 1580. P. 8.

⁶⁵ Ibid.; Ferrier P. Le souffle de la Vendée. P. 12.

⁶⁶ Savary M. Vendée // A. F. 1978. N 1539. P. 7; Brosio Chr. «Ce soir la Vendée» // Ibid. N 1549. P. 10; Job de Roincé: Histoire des chouans // Ibid. N 1552. P. 8; Roincé J. de. Quelques pèlerinages chouans. P. 8; B. G. «Ce soir, la Vendée...» // A. F. 1979. N 1602. P. 10; Petit E. Une belle leçon d'histoire // Ibid. 1981. N 1688. P. 4; Pillorget R. La Révolution au Musée de l'histoire de France. P. 4; Masteau P. La Révolution et l'Empire à Carnavalet // A. F. 1983. N 1794. P. 12.

⁶⁷ Une manifestation du «Souvenir vendéen». A. F. 1981. N 1719. P. 12.

⁶⁸ P. M. Une médaille pour «Monsieur Charette» // Ibid. N 1724. P. 8.

⁶⁹ A. F. Au coeur de la Vendée // Ibid. N 1726. P. 15; A. F. Dans les pas de vendéens. P. 11; Ferrier P. Le souffle de la Vendée. P. 12.

⁷⁰ Morvan J.-B. Faudra-t-il fêter 89? // A. F. 1979. N 1624. P. 12; Idem. En marge du 14 juillet. P. 1, 12; Pillorget R. La Révolution au Musée de l'histoire de France. P. 4.

⁷¹ Duvallars P. Les cheveux de Marly menacés par le 14 juillet! // A. F. 1982. N 1759. P. 5.

⁷² Gaube R. Luc de Goustine: «Le printemps, la Commune et le Roi» // Ibid. 1979. N 1585. P. 6.

вым правым» они ставили отход от католической веры, «стремление обосновать антигалитаризм дарвинистскими социобиологическими концепциями», «полное отсутствие принципов при инстинктивном признании некоторых истинных ценностей», а также «романтическое стремление к зарубежным моделям (т. е. к режимам в духе итальянского или германского фашизма. — В. П.) в ущерб ностальгическому воспоминанию о французском прошлом»⁷³. Монархисты заявляли, что «никто не может заподозрить их в приверженности взглядам Гобино», потому что они — «противники любых форм расизма» и, следовательно, «не имеют ничего общего с яростным безумием Гитлера»⁷⁴. Это отнюдь не мешало им вести кампанию в пользу реабилитации главы коллаборационистской Франции маршала Петена⁷⁵, приветствовать фашистскую диктатуру Франко, Салазара, Пиночета⁷⁶ и даже выступать против осуждения нацистского палача Лиона Клауса Барбье⁷⁷. С точки зрения монархистов, фашизм плох тем, что он принадлежит к категории «революционных правых» течений. Он «верит в необходимость новой революции, которая будет не продолжением революции 1789 г., а, наоборот, восстановит принцип государственности на обломках коррумпированной, грязной и вульгарной Франции»⁷⁸. Но революцию нельзя победить революционными методами и с помощью революционной фразеологии. Следовательно, «надо быть весьма осторожным в употреблении слова „революция“ и не идти на поводу у моды для того, чтобы казаться более привлекательным. . . Без точного словоупотребления невозможна ясность суждений. Так давайте же соблюдать дисциплину мысли: антиподом революции может быть только контрреволюция», — поучал французских неофашистов политический директор «Аспе де ля Франс» П. Пюжо⁷⁹.

Таким образом, в отличие от других отрядов французских крайне правых монархисты продолжают выступать в защиту традиционалистских догм. Их идейно-политическое кредо сводится к тому, что «истинная контрреволюция должна обращаться лишь к католической вере и капетинской монархии, выковавшей душу французской нации»⁸⁰.

Воинствующий консерватизм современных наследников «Аксон франсэз» неоднократно вызывал горькие упреки графа Парижского, который усматривал в традиционализме «учение не

столько правильное, сколько правое», поскольку ему не хватает «внимания к социальным проблемам» и вообще «стремления к более открытому миру»⁸¹. Традиционалистским догмам «Аксон франсэз» граф Парижский противопоставляет орлеанистскую традицию умеренного буржуазного либерализма. «Блистательным примером» в этом отношении должен служить король Луи-Филипп, который в годы Великой французской революции «проникся новыми идеями» и, «вдохновленный пылким патриотизмом, тем не менее оставался верным монархической традиции». Орлеанистские идеи — «не из тех, что разжигают воображение оторванных от жизни романтиков. . . но эти идеи способны организовать нацию и в условиях свободы и мира вести ее по пути прогресса». В изображении графа Парижского «король-гражданин» выражал «политику равновесия, сочетающую прогресс, разум, свободу и порядок»; эта политика «признавала новые социальные реальности и опиралась на них». Вот почему «именно Луи-Филиппу Франция обязана своей свободой. Никому не следует об этом забывать»⁸².

С яростной критикой идейно-политических установок «Национальной Реставрации» выступил также монархист Б. Ренувен. Он обвинил современных традиционалистов-«мифоманов» в «узком консерватизме», за счет которого «достигается интеллектуальный комфорт и моральное спокойствие», но «сбрасывается со счетов социальная динамика, на которую всегда опиралась монархия»⁸³. Осуждая «утробный антикоммунизм и шовинизм» традиционалистов, их «викторианскую мораль, базирующуюся на узости принципов и взглядов», Ренувен потребовал пересмотреть идейно-политическое наследие Морраса, «скандально извращенное теми, кто объявил его своим учителем». В изображении лидера «Нового Французского действия» смысл борьбы «социалиста» Морраса заключался в том, что тот вел «битву за человека и его свободу против всего, что отчуждает и разрушает человеческую личность»⁸⁴.

Однако в еще большей степени доктринальные установки современных монархистов опровергает сама французская действительность. Она распорядилась таким образом, что типография, в которой печатался еженедельник «Аспе де ля Франс», называлась «Вольтер-Рото»; заседания «Института Французского действия» проходили на ул. Монтестье; монархисты Тулузы молились за упокой души Людовика XVI в церкви на ул. Якобинцев; парижский книжный клуб, распротранявший монархическую литературу, располагался на ул. Аббата Грегуара, названной в честь члена Конвента, который одним из первых проголосовал за упразднение королевской власти и казнь короля; монархисты Орлеана

⁷³ Pujot P. Pour un reveil français. // Ibid. P. 8; Fromentoux M. Le piège du nouveau paganisme // A. F. 1982. N 1753. P. 5.

⁷⁴ Leger F. Un nouveau portrait de Gobineau // A. F. 1982. N 1740. P. 13; Petit E. Le coup de pied Pierrard // Ibid. 1979. N 1614. P. 6; Leger F. «La droite révolutionnaire» // Ibid. N 1614. P. 8.

⁷⁵ Justice pour le Maréchal Pétain // Ibid. N 1610. P. 8.

⁷⁶ Murat A. Op. cit. P. 6; Fromentoux M. Le droit d'un peuple à être défendu // A. F. 1981. N 1687. P. 10.

⁷⁷ Petit E. Barbie, c'est nous! // A. F. 1983. N 1790. P. 1.

⁷⁸ Fromentoux M. Le piège du nouveau paganisme. P. 5.

⁷⁹ Pujot P. Pour un reveil français. P. 8.

⁸⁰ Fromentoux M. Le piège du nouveau paganisme. P. 5.

⁸¹ Henri, comte de Paris. Mémoires d'exil et de combats. P. 70, 74; Comte de Paris; «Donner aux Français des raisons d'espérer» // A. F. 1979. N 1598. P. 8; Pujot P. Le Comte de Paris à la télévision // Ibid. 1980. N 1634. P. 3; Monde. 1987. 7 juill.

⁸² Henri, comte de Paris. Préface. P. XII, XV, XXI.

⁸³ Renouvin B. Le désordre établi. P., 1975. P. 54, 56, 86.

⁸⁴ Ibid. P. 15, 30, 83, 87.

и целом и так все ясно? Или непониманием того, какие перспективы открывает разработка этой темы? Как бы там ни было, преднебрежение ею совершенно неоправданно. Сегодня это уже очевидно, и в преддверии двухсотлетнего юбилея революции она включена наконец в повестку нескольких научных симпозиумов.

Три аспекта проблемы представляются особенно важными. Во-первых, целесообразно исследовать те стороны общественного сознания французского народа в конце XVIII в., которые сделали возможным и объясняют то, что произошло тогда с феодальными архивами и культурным наследием страны в целом. Во-вторых, необходимо детально разобраться, какое же все-таки место занимает революционная эпоха в истории архивов, какова именно ее роль в деформации тех или иных изначально существовавших комплексов документальных и прочих источников, будь то источники раннесредневековые или последних лет Старого порядка. В-третьих, на судьбы феодальных архивов в годы революции было бы чрезвычайно интересно взглянуть с точки зрения той роли, которую они сыграли в развитии исторической науки во Франции, в изменении отношения к прошлому, к источнику и т. д. Осветить эти вопросы основательно в рамках небольшой статьи, конечно, нереально. Удовлетворимся поэтому их постановкой и беглым наброском возможных ответов.

Не вызывает сомнения, что катастрофические последствия революционных преобразований для дореволюционных архивов Франции неразрывно связаны с духом безоговорочного отрицания ненавистных старых порядков, охватившим большинство французов к лету 1789 г. Однако вопреки довольно распространенным представлениям, гибель значительной части старинных документов лишь в малой мере может быть отнесена на счет эксцессов народных восстаний. Слов нет, в ходе крестьянских жакерий 1789—1792 гг. погибло множество древних грамот и кодексов. «Война против замков» сравнительно редко оборачивалась разрушением самих шато; как правило, дело ограничивалось низвержением их специфически феодальных символов (гербов, флажеров, зубцов на оградах и т. д.) и требованием вернуть недавно внесенные ренты, вообще отказаться от феодальных прав и выдать документы, эти права подтверждающие. Известны случаи, когда крестьяне добивались даже не уничтожения таких бумаг, а их проверки и отмены тех повинностей и привилегий, которые оказывались неподтвержденными. Захваченные документы — «титулы», как их обычно называли, — рвали или сжигали на месте, иногда вместе с другими атрибутами сеньориальной власти⁴. В результате этих выступлений пострадали по преимуществу бумаги светских сеньоров; нападения на монастыри и церкви происходили заметно реже, причем почти исключительно в сельской местности. В городах

погромы, тем более чистки архивов случались лишь эпизодически; то были в основном нотариальные архивы, куда сеньоры часто помещали в подлинниках или в копиях свои «титулы». Архивы государственных учреждений восставшие обычно не трогали. Исключения приходится главным образом на июль 1789 г., когда, помимо Бастилии, были разгромлены Интенданство в Руане, ратуши Амьена, Страсбурга, Труа, некоторых других городов⁵. При этом нужно иметь в виду, что разгром архива вовсе не обязательно равнозначен его уничтожению. Хорошим примером может служить архив Бастилии: уже 16 июля парижский муниципалитет принял меры против его расхищения, что позволило сохранить подавляющее большинство находившихся там материалов⁶.

При всей масштабности и радикальности народных выступлений сами по себе они не могли привести к возникновению тех зияющих пробелов в документации, с которыми сталкивается сегодня исследователь дореволюционной Франции. Во-первых, хотя крестьяне и принимали меры предосторожности против возможного обмана со стороны сеньоров и нередко приводили с собой нотариуса, дабы тот проверил, те ли «титулы» им отдают, зачастую их все-таки обводили вокруг пальца: наиболее ценные документы многим сеньорам удавалось заблаговременно вывезти или припрятать. Так, например, случилось в апреле 1792 г. в замке герцога д'Изеса возле одноименного города в департаменте Гар⁷. Во-вторых, крестьянские выступления носили все же локальный характер, так что пропажа документации одной сеньории обычно компенсируется в глазах историка сохранением архива другой, соседней. Это верно даже для самых мятежных районов вроде Дофинэ, Керси, Мена или Севенн. В-третьих, и это, пожалуй, главное, стихийное уничтожение восставшими того или иного феодального архива, пусть даже стопроцентное, с точки зрения современного исследователя, отнюдь не всегда означает, что он полностью канул в Лету. Ведь многие документы, имевшиеся в погибшем древлехранилище, в свое время скорее всего осели и в других архивах — например, в архивах нотариальных контор, судебных и налоговых ведомств, если речь идет о церковной сеньории, то и в архиве вышестоящей церковной организации, может быть, и в архивах соседей-контрагентов, а также в кабинетах генеалогистов и собирателей древностей⁸. Для того чтобы в старинной документации обозначились действительно страшные, кричащие лакуны, ярость восставших крестьян, справедливо видевших в древних и не очень древних свитках и регистрах инструмент эксплуата-

⁵ Bord G. La Prise de Bastille et les conséquences de cet événement dans les provinces. P., 1882.

⁶ См.: Люблинская А. Д. Бастилия и ее архив // Французский ежегодник, 1958. М., 1959. С. 118—119.

⁷ Albioussé L. de. Histoire de la ville d'Uzès. Uzès, 1903. P. 231—232.

⁸ См. опыт реконструкции комплекса раннесредневековых грамот, погибшего в годы Революции: Chevalier U. Description analytique du cartulaire du chapitre de Saint-Maurice de Vienne. Valence, 1891.

⁴ Адо А. В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789—1794 гг. М., 1987. С. 104—113, 133—140, 150—154, 218—228, 261, 265—267, 302.

ции, должна была найти отклик в питаемой совсем другими источниками ненависти правящей элиты к Старому порядку, в результате чего отдельные акты революционного вандализма народных масс оказались дополнены планомерной работой государственных учреждений, налаженной в масштабе всей страны.

Резко отрицательное, враждебное отношение крупнейших французских мыслителей XVIII в. и тогдашней интеллигенции в целом к средневековью как ко времени варварства, невежества и попрания человеческого достоинства общеизвестно. Уходя корнями в эпоху Возрождения, отчасти и Реформации, неприятие средневековой культуры сложилось, по крайней мере во Франции, именно в век Просвещения. Это отношение в общем разделяла и знать; ростки феодального романтизма обнаружили себя лишь к концу Старого порядка⁹. Достаточно полистать «Дух законов» Монтескье, «Опыт о нравах» Вольтера, «Наблюдения о французской истории» Мабли — книги, на которых выросла революционная элита конца XVIII в., или труды некоторых протагонистов революции, например «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Кондорсе, чтобы понять, что судьба культурного наследия средневековья не могла не сложиться драматично.

Неприятие этого наследия должно было особенно тяжело сказаться на архивах, поскольку ведущие мыслители Просвещения в своих исторических штудиях редко обращались к документам, к неопубликованным — никогда. Вольтер признавался, что при мысли о работе в архивах его охватывает ужас¹⁰. Примерно те же чувства руководили и Мабли, иначе он не писал бы, что сообщения хроник, конечно, надо бы проверить с помощью дипломов и прочих хартий, но ведь на это уйдет целая жизнь. По его мнению, знакомство с естественным правом и способность высказывать здравые суждения для историка гораздо важнее, чем архивистская эрудиция¹¹. Просветители, разумеется, осознавали, что древние грамоты — это уникальные исторические свидетельства. Однако им (как, впрочем, едва ли не всем мыслителям их эпохи) было чуждо столь характерное для историков XIX в. трепетное отношение к документу как к неповторимому памятнику своего времени, тем более сегодняшнее понимание источника как носителя разнообразнейшей и в принципе неисчерпаемой информации. В XVIII в. в старых документах видели свидетельства почти исключительно о тех событиях, ради фиксации которых те и создавались: о перемещениях земельной собственности, пожалованиях титулов, привилегий и должностей, основании монастырей и т. д. В глазах историков эрудитского толка, делавших упор на хронологию и генеалогию, они были бесценны; у просветителей эти события по большей части не вызывали интереса, поэтому им были без-

различны и освещавшие их документы. Нужно иметь в виду и то, что Вольтер и его единомышленники вообще не придавали особого значения точности приводимых конкретно-исторических фактов¹², предоставляя копаться в них тем, кого снисходительно называли антикварами. В прошлом они в основном искали материал для философских построений и политической полемики — в разительном отличии от историков-эрудитов, выявивших, проверивших и систематизировавших огромную массу неизвестных ранее фактов, но избегавших, как греха, политических аллюзий и теории. Более или менее удачные опыты сочетания бенедиктинской эрудиции с просветительской идеологией, имевшие место во второй половине XVIII столетия¹³, современниками были, по сути дела, не замечены.

Впервые с проблемой феодальных архивов революция столкнулась в связи с введением в стране нового административного деления. Постановлением Учредительного собрания от 2 июля 1790 г. директориям департаментов было предписано организовать хранилища, куда надлежало собрать документацию из располагавшихся на их территории государственных учреждений: парламентов, счетных палат, сенешальств, бальяжей и т. д.¹⁴ Исключение было сделано для Бретани, где провинциальные архивы почему-то остались сосредоточенными в Нанте вплоть до 1839 г.¹⁵ Поскольку границы департаментов в большинстве случаев не совпадали с границами провинций и прочих административных единиц Старого порядка, сразу же возникли трудности с делением фондов ликвидируемых ведомств между департаментами. Это был большой вопрос, и решение его затянулось до второй половины XIX в.

5 ноября 1790 г., в соответствии с принятым ранее законом о секуляризации церковных имуществ, Конституанта санкционировала объединение архивов «бывших» религиозных учреждений в специально создаваемых для этого архивах дистриктов¹⁶. Предполагая в недалеком будущем организовать распродажу этих, объявленных национальными, имуществ, Собрание предложило властям дистриктов в короткий срок описать поступающие в их распоряжение бумаги. Описи такого рода сохранились в большом количестве и являются важными историческими источниками, в какой-то степени компенсирующими произошедшую в скором времени пропажу упомянутых в них документов¹⁷. Работа по концентрации в дистриктах церковных архивов шла медленно,

¹² *Barp M. A.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987. С. 337.

¹³ См., напр.: *Papon J.-P.* Histoire générale de Provence dédiée aux Etats: 4 t. P., 1777—1786.

¹⁴ *Archives parlementaires*. P., 1885. Т. 16. P. 353 (далее: AP).

¹⁵ *Laborde L. de.* Op. cit. P. 116.

¹⁶ AP. P., 1885. Т. 20. P. 278.

¹⁷ Примером может служить опубликованный «инвентарь» капитула Амбрена: *Guillaume P.* Inventaire sommaire des Archives départementales, antérieures à 1790. Hautes-Alpes. Sér. G. Gap, 1891. P. XVII—XXXII.

⁹ Наиболее яркий пример: *La Curne de Sainte Palaye.* Mémoires sur l'ancienne chevalerie, considérée comme un établissement politique et militaire: 2 vol. P., 1759.

¹⁰ О Вольтере как об историке см.: *Brumfit J. H.* Voltaire, historian. L., 1958; *Gatto L.* Medioevo volteriano. Roma, 1972.

¹¹ См.: *Косминский Е. А.* Историкография средних веков. М., 1963. С. 216—218.

местами затянулась вплоть до лета 1792 г.¹⁸ В отдельных случаях церковные архивы вообще оставались на прежнем месте; так, например, обстояло дело с материалами тулузского приората Мальтийского ордена, перевезенными в префектуру только в 1813 г.¹⁹ В соответствии с декретом от 9 октября 1792 г. в архивы дистриктов стали поступать и конфискованные бумаги эмигрантов²⁰.

Следующие декреты связаны уже с деятельностью Законодательного собрания. 19 июня 1792 г. по предложению Кондорсе оно постановило уничтожить все «генеалогические» документы феодальной знати, которые «служат убежищем ее неисправимого тщеславия... и самим своим существованием бросают вызов идее равенства». Декрет касался не только фамильных, но также государственных и церковных архивов, равно как и рукописного отдела Национальной библиотеки²¹. 19 августа 1792 г. это решение было распространено на судебные и административные материалы более чем тридцатилетней давности²².

Сначала подлежащие уничтожению бумаги просто сжигались. Происходило это весьма торжественно, нередко в дни празднеств и ликования по случаю побед²³. При большом стечении народа на одной из центральных площадей города (в Париже — на Вандомской), часто у «майских деревьев», из «ненавистных памятников тринадцати столетий рабства и преступлений» складывали костер, а вокруг него танцевали фарандолы²⁴. В Сабле (деп. Сарта) к костру была организована процессия «маленьких санюлотов» — школьников, которые несли пакеты с «титулами» и, бросая их в огонь, кричали: «Долой эти различия! Да здравствует равенство!»²⁵. Так погибли многие ценнейшие документы, в частности почти все материалы Нарбоннского капитула, восходившие к концу VIII в. Их сожгли 10 августа 1793 г. вместе со статуей Филиппа Смелого перед алтарем Отечества²⁶.

Конвент счел эту практику расточительной и 3 октября 1792 г. предложил впредь по возможности продавать ненужные документы фабрикантам бумаги или же отправлять в арсеналы для изготовления патронов²⁷. По этому декрету комиссары военного и морского ведомств получили право отбирать в архивах дистриктов и департаментов нужные им материалы. Была даже разработана

специальная инструкция, которой те должны были руководствоваться в своих розысках. По мнению ее составителей, лучшие зарядные картузы получались из старых добротных пергаментов. Впрочем, годилась и плотная бумага, лишь бы она была целой и подходящих размеров: в зависимости от калибра, от 9 дюймов 6 линий до 19 дюймов 6 линий в ширину и от 15 дюймов до 2 футов в длину²⁸. Столкнувшись с сопротивлением ряда архивистов, старавшихся сохранить лучшие документы для замышлявшихся Конвентом департаментских музеев, военные добились принятия нового декрета (5 января 1793 г.), разрешавшего им вывозить в арсеналы целые фонды, чтобы там спокойно, без помех, разобраться что к чему. Архивы Счетной палаты Нанси (Лотарингия) были признаны негодными к употреблению, и их оставили в покое. Архиву герцогов бургундских повезло меньше: на его долю выпала судьба обеспечить патронами Мозельскую армию генерала Гоша. Остатки этого фонда были обнаружены в середине XIX в. в арсенале Меца²⁹. Самым крупным потребителем старинных бумаг стал Тулонский арсенал, переработавший, помимо ряда местных архивов, многие привезенные издалека. Здесь, в частности, закончили свое существование большинство подлинных документов Вьеннского и Эльнского капитулов. Последний переправили из Перпиньяна по морю³⁰.

Летом 1793 г. история дореволюционных архивов вступила в критическую фазу. 17 июля был принят знаменитый декрет о полной отмене всех феодальных повинностей; одна из его статей предусматривала безоговорочное сожжение «феодальных титулов», причем хранение их каралось каторгой³¹. В течение нескольких месяцев это положение декрета усердно претворялось в жизнь³². Казалось, средневековая документация была обречена, но к концу 1793 г. в архивной политике Республики наметился поворот. 2 декабря Конвент постановил впредь собирать предназначенные для сожжения бумаги в специально организованных в дистриктах хранилищах, а 27 января 1794 г. принял решение об отсрочке сожжения феодальных документов до составления земельного кадастра³³. В дальнейшем к этому вопросу уже не возвращались.

«Не иначе как с явным отвращением, — заявил, выступая 26 июня в Конвенте, Ж. Дюбуа, — взирают республиканцы на собрания рукописей, хранящих следы столь многочисленных насилий над достоинством человека. Первым побуждением было бросить все эти титулы в огонь, дабы тем самым уничтожить малейшие остатки памятников ненавистного режима. Интересы общества

¹⁸ *Matton A.* Inventaire sommaire des Archives départementales, antérieures à 1790. Aisne. Sér. G et H. Laon, 1885. P. 3.

¹⁹ *Gérard P.* Les Archives de la Haute-Garonne, leur évolution depuis 1790 // Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions et belles-lettres de Toulouse, 1980. Vol. 142. P. 120.

²⁰ AP. P. 1897. T. 52. P. 409.

²¹ Ibid. P., 1895. T. 45. P. 377—378.

²² Ibid. P., 1896. T. 48. P. 382.

²³ См., напр.: *Combet J.* La Révolution à Nice (1792—1800). P., 1912. P. 161.

²⁴ *André L.* Essai sur l'histoire de la Révolution en Lozère. Marjevols, 1894. P. 174.

²⁵ *Laborde L.* de. Op. cit. P. 238.

²⁶ *Narbonne L.* Cathédrale Saint-Just de Narbonne. Narbonne, 1901. P. 243.

²⁷ *Duvergier J.-B.* Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements et avis du Conseil d'Etat. P., 1825. T. 5. P. 16.

²⁸ *Laborde L.* de. Op. cit. P. 264—265.

²⁹ Ibid. P. 224, 226.

³⁰ *Bautier R.-H., Sorney J.* Les sources de l'histoire économique et sociale du moyen âge. P., 1971. T. 1, vol. 2. P. 757; *Brutails J.-A.* Inventaire sommaire des Archives départementales, antérieures à 1790. Pyrénées-Orientales. Sér. G. Perpignan, 1904. P. V.

³¹ *Duvergier J.-B.* Collection complète. . . P., 1825. T. 6. P. 28—29.

³² См.: *Адо А. В.* Указ. соч. С. 301—302.

³³ *Duvergier J.-B.* Collection complète. . . P., 1825. T. 6. P. 389; T. 7. P. 23.

требуют воздать должное этому похвальному рвению... Никак не помышляя о том, чтобы его остудить, и именно для того, чтобы лучше уничтожить то, что нам ненавистно, я предлагаю тщательно обследовать архивы и быть начеку, как бы необдуманная поспешность не нанесла ущерб интересам Нации»³⁴. По его предложению Конвент санкционировал создание Комиссии по делам архивов, призванной в 4-месячный срок разобрать старые бумаги и определить, какие из них представляют реальную ценность, а какие бесполезны и вредны для общества. Было предусмотрено сохранить три вида документов: 1) относящиеся к правам собственности и государственному управлению (последние не более чем 30-летней давности); 2) касающиеся судопроизводства и актов гражданского состояния; 3) обладающие исторической ценностью и тем самым важные для народного просвещения. Остальные документы были признаны никчемными и предназначались для сожжения, продажи фабрикантам бумаги и отправки в арсеналы. Принятие этого декрета было, по всей вероятности, вызвано различными соображениями, в том числе, наверное, и идеологического свойства, однако главной побудительной причиной правильно будет считать объективные трудности, связанные с различием «феодальных» и «нефеодальных» «титолов». К концу XVIII в. сеньориальные повинности с правами и доходами нефеодального происхождения (например, с арендными обязательствами) зачастую фиксировались в одном и том же документе. В первую очередь это касалось нотариальных минут, регистрировавших земельные приобретения вперемежку с приобретениями отдельных феодальных повинностей, так что уничтожение записей о феодальных правах означало одновременно уничтожение множества других, имевших, с точки зрения законодателей, вполне легальный характер.

Работа Комиссии по делам архивов (ее называли Триажной — «сортировочной») и ее отделений в департаментах и дистриктах вызвала гибель огромного количества архивных материалов. Поэтому Мишле был по-своему прав, назвав Комиссию революционным трибуналом пергаментов, вполне сопоставимым по поспешности и безапелляционности решений с трибуналами, судившими людей³⁵. Тем не менее следует признать, что в той обстановке декрет 26 июня 1794 г. сыграл в целом положительную роль, так как создал законные основания для сохранения архивов как таковых. Кроме того, этот закон заслуживает упоминания как учреждавший Центральное древлехранилище Республики и его филиалы на местах и уточнявший, какие материалы должны туда поступать. Обрекая на уничтожение некоторые новые группы документов (прежде всего подтверждавшие права собственности на уже распроданные национальные имущества), декрет в то же время имел, безусловно, прогрессивное значение, поскольку впервые в истории провозгласил право каждого гражданина запросить

и безвозмездно получить для ознакомления любой из хранящихся в государственных архивах материалов³⁶.

Откликаясь на новые постановления Конвента, директории департаментов и дистриктов поручали какому-нибудь благонадежному гражданину произвести за умеренную плату сортировку старых документов по указанным рубрикам³⁷. Опытных архивистов, умеющих читать средневековое письмо, не хватало, да им зачастую и не доверяли, без основания подозревая в пристрастии к «памятникам древнего рабства». Поэтому разбор архивов занимались подчас совершенно невежественные и безудержные люди. Так, архивистом департамента Дордонь был назначен некий Ж. Прюни, в прошлом священнослужитель, работавший безвозмездно и отличившийся тем, что самолично собрал и «предал справедливому суду огня» 60 тыс. «феодальных» документов³⁸. Классификация материалов производилась обычно на основании титульных надписей на папках и регистрах. Иногда в содержание уничтожаемых документов вообще не вникали: для вынесения приговора было достаточно констатации, что они написаны «готическим» почерком. Например, в феврале 1796 г. муниципалитет лангедокского города Агда без должного рассмотрения постановил сжечь вновь обнаруженные (видимо, припрятанные) сборники древних грамот из местных церковных учреждений, имея в виду «искоренить само представление о таких грамотах, которые только и могут что напомнить об ужасном царстве рабства»³⁹.

Так поступали, однако, не везде. Архивы Парижа были доверены хранителю архивов Лувра Буину и архивисту Нотрдамского собора Павилле. Они вели настоящую войну с эmissарами Конвента и преуспели, в частности, в сохранении большинства материалов бесценной Сокровищницы хартий французских королей, на которую покушалось военное министерство⁴⁰. Первым архивистом департамента Мерт был в 1791—1813 гг. в высшей степени компетентный Ф. Элуа, в прошлом хранитель архивов Счетной палаты Нанси⁴¹. Хранителем госпитальных архивов Роман-сюр-Изер был назначен бывший сотрудник Счетной палаты Гренобля Ж.-Б. Мулине⁴². Примеры, когда на ключевые должности в государственных архивах попадали сведущие люди, прошедшие хорошую школу во времена Старого порядка, можно было бы умножить. Благодаря им триаж достаточно часто производился грамотно и вычищались относительно малоценные документы.

³⁶ *Duvergier J.-B.* Collection compète... Т. 7. P. 247—250.

³⁷ См., напр., протокол заседания администрации дистрикта Амбрен (деп. Верхние Альпы) от 19 мая 1794 г. (*Guillaume P.* Op. cit. P. XXXIII).

³⁸ *Laborde L.* de. Op. cit. P. 117; *Becquart N.* Guide des Archives de la Dordogne. Perigueux, 1970. P. 9.

³⁹ *Castaldo A.* L'église d'Agde (X—XIII siècles). P., 1970. P. 1.

⁴⁰ *Laborde L.* de. Op. cit. P. 128—129. О судьбе парижских архивов см. также: *Delisle L.* Le Cabinet des Manuscrits de la Bibliothèque Nationale. P., 1874. Т. 2.

⁴¹ *Collin H.* Guide des Archives de Meurthe-et-Moselle. Nancy, 1984. Pt 1. P. 26.

⁴² *Lacroix A.* Inventaire sommaire des Archives hospitalières de la Ville de Romans antérieures à 1790. Valence, 1894. P. 1.

³⁴ *Cazette Nationale ou le Moniteur Universel.* P., 1841. Т. 21. P. 68.

³⁵ *Michelet J.* Histoire de France. P., 1835. Vol. 2. P. 700

Нормализации работы архивов немало содействовал декрет от 26 октября 1796 г., который в соответствии с санкционированным Конституцией III года Республики упразднением дистриктов предписывал ликвидировать их особые архивы и сконцентрировать их фонды в архивах департаментов⁴³; последними, как правило, заведовали квалифицированные чиновники. Инициатором реформы был известный политический деятель, возглавлявший Национальные архивы, незадолго до этого вернувшийся из австрийского плена А. Камю. 21 января 1801 г. была ликвидирована и сама комиссия⁴⁴. Эпоха «гражданских аутодафе», как порой называли современники поглощавшие старые документы костры, закончилась. Но злключения архивов продолжались.

С перевозимыми из дистриктов в главные города департаментов бумагами часто обращались небрежно, скорости ради выбрасывали досье через окна, оставляли их под открытым небом и т. д. Директории департаментов, как правило, не располагали подходящим помещением, и случалось, что свезенные материалы не раз и не два меняли место жительства. При этом обычно их сваливали без разбора, не заботясь о том, чтобы защитить от сырости, крыс и хулиганов. Сотрудники префектур, где они чаще всего находились, бывало, использовали старые документы для нужд текущего делопроизводства. Так, в Лане некоторые грамоты XIV в. из древлехранилища капитула Сен-Кантена послужили материалом для составления сводных таблиц гражданского состояния департамента Эна за 1803—1813 гг.⁴⁵ Во многих местах заботы об архивах поручались случайным людям, исполнявшим в префектурах и другие, с их точки зрения, более важные и менее обременительные функции. В результате небрежений в архивах нередко вспыхивали пожары. Один из них почти полностью уничтожил в 1804 г. собранную к тому времени документацию церковных учреждений департамента Арьеж⁴⁶.

Начиная со второй половины 90-х годов, но особенно в эпоху Реставрации, из департаментских архивов стали изымать (насколько это было возможно в условиях царившего в них хаоса) семейные бумаги прощенных контрреволюционеров и вернувшихся эмигрантов⁴⁷. После Конкордата на конфискованные фонды начала претендовать и церковь, но вернуть их — частично — она смогла лишь после 1815 г. Так произошло, например, с фондами архиепископства Бордо, возвращенными в департаментский архив лишь в конце XIX в.⁴⁸

Однако наибольшую сумятицу в жизнь государственных архивов внесло осуществление безумной идеи собрать в Париже все наиболее ценное из местных архивов Франции, а затем и подвластных ей стран Европы. Идея принадлежала П. Дону, сменившему в 1804 г. на посту хранителя Национальных архивов умершего на этом посту А. Камю, — видному государственному деятелю, бывшему в свое время председателем термидорианского Конвента и Совета пятисот. «Источники по всеобщей истории должны находиться в Париже», — убеждал он в 1809 г. Наполеона. Заручившись его поддержкой и обещанием выделить средства на строительство в столице грандиозного Музея архивов, Дону поспешил разослать во все концы своих эмиссаров, взявшихся за перетряску едва начавших обретать мало-мальский порядок департаментских хранилищ. Отправлению в Париж подлежали все грамоты старше 1500 г., «все исторические материалы», что бы это ни значило, акты международных договоров и дипломатическая переписка, памятники законодательства, наконец документы, относящиеся к правам собственности⁴⁹. Вскоре настала очередь «французского зала» замка Симанкас под Мадридом, архивов Голландской республики, Флоренции, Ватикана. . . В немецких княжествах посланцы Дону работали еще в 1813 г. После падения Наполеона иностранные архивы были возвращены их законным хозяевам; что же касается провинциальных архивов Франции, то их чистка продолжалась, хотя и со все меньшим рвением, вплоть до 1840 г., когда умер Дону и архивная политика стала определяться Ф. Гизо и его единомышленниками из созданной в 1820-е гг. Школы хартий. На долю ее выпускников и выпал в основном титанический труд по приведению в порядок и описанию того, что осталось от архивов старой и новой Франции.

Что же именно погибло и что уцелело?

Маркиз де Лабурд оценивал потери дореволюционных архивов примерно в миллиард единиц хранения, полагая, что это составляло более двух третей всей имевшейся к 1790 г. документации⁵⁰. Другие оценки автору неизвестны, и по всей видимости, на сегодняшней стадии исследования проверить их невозможно. Ограничимся поэтому некоторыми общими соображениями, позволяющими в какой-то мере представить *характер деформации* анализируемого корпуса источников.

Степень сохранности зависела, во-первых, от *типа* документа. Меньше всего пострадали архивы муниципалитетов, которых не коснулись ни погромы I—II годов Республики, ни работы Триажной комиссии. Лакуны в муниципальных архивах, появившиеся в годы революции, объясняются в основном небрежным обращением, в первую очередь — случайно возникшими пожарами. Так, например, в 1800 г. погиб архив гасконского города Лектур⁵¹,

⁴³ Duvergier J.-B. Collection complète. . . P., 1825. T. 9. P. 238.

⁴⁴ Bordier H. Op. cit. P. 12.

⁴⁵ Matton A. Op. cit. P. 4.

⁴⁶ Trouillard G. Inventaire sommaire des Archives départementales antérieures à 1790. Ariège. Sér. G. Foix, 1979. T. 1. P. IX.

⁴⁷ Saint-Jouan R. de. Histoire des Archives des Côtes-du-Nord // Mémoires de la Société d'émulation des Côtes-du-Nord. 1931. Vol. 110. P. 18—19.

⁴⁸ Gouget M. Inventaire sommaire des Archives départementales antérieures à 1790. Gironde. Sér. G. Bordeaux, 1892. P. 5.

⁴⁹ Laborde L. de. Op. cit. P. 179—180.

⁵⁰ Ibid. P. 125.

⁵¹ Polge H. Guide des Archives du Gers. Auch, 1975. P. 22.

но в этом факте не было ничего обусловленного спецификой революционного периода: пожары не были редкостью ни в предыдущую, ни в последующую эпоху. В 1704 г. сгорел архив Парламента Бордо⁵², в 1887 г. огонь уничтожил значительную часть уже классифицированных и описанных архивов департамента Лозер, находившихся в ведении одного из лучших архивистов того времени — Ф. Андре⁵³. Причина подобных катастроф крылась в неудовлетворительном состоянии техники безопасности, неизбежном в доэлектрическую эру, революционные потрясения могли лишь усугубить ситуацию.

Наиболее сильный удар был нанесен архивам старой провинциальной администрации и судебных учреждений Старого порядка, поскольку считалось, что уж эти документы, за исключением совсем недавних, безусловно, никчемны. Очень сильно пострадали «генеалогические» архивы; вообще, семейные архивы дворянства в отличие от архивов буржуазных семей, как правило, не подлежавших чистке. По большей части уцелели нотариальные архивы, в известной мере возмещающие нам утрату огромной массы документов сеньориальной администрации, приговоренных декретом 17 июля 1793 г. Заметно лучше сохранность бумаг, подтверждающих права собственности (в той мере, в какой их можно отличить от «феодальных титулов»), во всяком случае собственности церковной: после того как церковные земли попали в разряд национальных имуществ, касавшиеся их материалы приобрели в глазах революционного правительства практическую ценность. Напротив, материалы, относившиеся к истории внутренней жизни монастырей, капитулов и т. д., считались совершенно бесполезными. Продлись период дехристианизации несколько дольше, они в подавляющем большинстве, несомненно, ушли бы в небытие, но события развивались так быстро, что уничтожить это непомерное количество бумаг просто не успели. Не дошла очередь и до приходских архивов: в них была сосредоточена значительная часть актов гражданского состояния, их вообще старались не трогать.

Во-вторых, степень сохранности зависела от времени составления документов. Несмотря на неприязнь, питаемую революционной Францией к «готическим» документам средневековья, они сохранились все же лучше, чем бумаги Старого порядка. Причина проста: прочитанные или нет, средневековые хартии имели в среднем больше шансов попасть в разряд «исторических». Другое дело, что из-за своей изначальной малочисленности, по сравнению с материалами XVI—XVIII вв., средневековые и особенно ранне-средневековые фонды были более уязвимы. Утрата документации какого-то одного бальяжа времен Людовика XV обычно может быть «преодолена» исследователем путем обращения к фондам соседних бальяжей, не говоря уже об источниках других типов. Гибель картулярия XI в. невосполнима.

В-третьих, следует сказать о *географической* неравномерности сохранности феодальных архивов. В принципе судьба каждого архива индивидуальна, поэтому оценить эту неравномерность как фактор очень трудно. Шальной снаряд или ненароком опрокинутая свеча, нехватка средств у местной администрации или назначение в Тriaнскую комиссию фанатика — все это ипостаси его величества Случая, которые едва ли возможно подвести под какую-либо закономерность. Как, например, вычислить вероятность того, что в сентябре 1794 г. суд г. Сент-Омер согласился признать личной собственностью бывшего монаха Сен-Бертенского аббатства Ш.-Ж. Девитта составленный им незадолго до революции монастырский картулярий, который в противном случае, скорее всего, был бы уничтожен как собрание «феодальных титулов»?⁵⁴ Безусловным представляется только то, что судьба конкретного архива зависела, и очень ощутимо, от уровня культуры и идейно-политической позиции людей, составлявших ту или иную директорию, в первую голову — от личности архивиста. В этом смысле поучителен пример департамента Йонна. В дистрикте Санс, где триажем руководил отец Льяр, библиотекарь кардинала Де Ломени, знаток и любитель древностей, уцелели почти все картулярии архиепископства и старых монастырей. В соседнем дистрикте Тоннер, где делом заправляли невежды, погибло практически все⁵⁵. Невежество прогнозированию не поддается. Но, как отмечалось, среди архивистов было немало грамотных, квалифицированных чиновников, вполне способных оценить драматизм ситуации. Вопрос в том, как далеко готовы были они пойти ради исполнения своего профессионального и гражданского долга, отнюдь не всегда совпадавшего с предписаниями официальных инструкций.

Многие видели свою задачу в том, чтобы, действуя в рамках этих инструкций, не допускать перегибов и постараться сохранить хотя бы то, что позволялось. Другие шли заметно дальше. По свидетельству Л. де Лаборда, на многих документах есть пометы, сделанные в годы революции: «В соответствии с законом, эту грамоту следовало бы уничтожить, но она сохранена, поскольку...» — и далее какое-нибудь обоснование, например заверение, что грамота представляет исторический интерес⁵⁶. Некоторые архивисты, включив в опись приготовленных к сожжению бумаг те документы, которые не было никакой возможности выдать за «исторические» или обладающие практической ценностью, прятали их среди благонадежных материалов, а на костер отправляли что-нибудь менее важное. Так поступал, например, архивист дистрикта Монтабан Лондио⁵⁷. Он многим рисковал, этот малень-

⁵⁴ *Haigneré D.* Les chartes de Saint-Bertin, d'après le Grand Cartulaire de Dom Charles-Joseph Dewitte. Saint-Omer, 1886. T. 1. P. IX.

⁵⁵ *Quantin M.* Inventaire sommaire des Archives départementales antérieures à 1790... Yonne. Archives civiles. Auxerre, 1868. P. 20.

⁵⁶ *Laborde L.* de. Op. cit. P. 139—140.

⁵⁷ *Daucet R.* Inventaire sommaire des Archives départementales. Tarn-et-Garonne. Sér. C. Montauban, 1946. P. V—IX.

⁵² *Betgé-Brezets A.* Guide des Archives de la Gironde. Bordeaux, 1973. P. 53.

⁵³ *Chabin M., Latour H.* Guide des Archives de la Lozère. Mende, 1979. P. 26.

кий чиновник: при сожжении присутствовал полномочный представитель Конвента Бодо, а за сокрытие «феодалных титулов» полагалось 5 лет каторги!

Некоторые открыто противились правительственным распоряжениям. «Уничтожение огромных архивов Счетной палаты, — убеждал 14 января 1793 г. лилльский архивист Ропра, — явилось бы актом невежества, сопоставимым с сожжением Александрийской библиотеки. . . Помимо всего прочего, в этих старых бумагах запечатлена вековая любовь белгов к свободе и равенству. . . Свидетельства угнетения наших предков. . . помогут нам и нашим потомкам лучше оценить дары Революции». Ответ министра юстиции Гара (27 февраля 1793 г.) был сухим и категоричным. «Я не вижу в Счетной палате Лилля ничего, что имело бы смысл сохранять. . . Все старые, готического письма бумаги у вас, как и повсюду, вряд ли представляют собой нечто другое, чем феодальные титулы, подчинявшие слабого сильному, или же политические постановления, почти всегда противоречащие разуму, человечности и справедливости. Было бы полезнее заменить весь этот бумажный хлам Декларацией прав человека: это лучший из всех возможных документов. Я предлагаю Вам действовать в соответствии с этими соображениями. Поступить иначе значило бы с Вашей стороны не оправдать доверия, оказанного Вам администрацией, назначившей Вас на этот пост». Ропра возражал, но тщетно. Архив Счетной палаты Лилля был продан на вес за 80 тыс. фр., остальное было отправлено в арсенал⁵⁸.

К сожалению, во многих случаях неизвестны даже имена архивистов, лишь очень редко мы располагаем материалами, прямо освещающими их деятельность. Поэтому о масштабах и характере деформации изначально существовавших документальных комплексов приходится судить в основном по косвенным данным, сравнивая различные известия об интересующих нас архивах в дореволюционный период с их нынешним обликом. Такого рода исследования приводят иной раз к неожиданным выводам. Так, велик, например, соблазн приписать крайнюю скудость имеющихся сегодня в наличии церковных фондов Тулонского диоцеза (9 единиц хранения за 1347—1697 гг.)⁵⁹ «прожорливости» Тулонского арсенала. Однако знакомство с трудами историков, работавших в архивах диоцеза в XVII—XVIII вв. (инвентарные описи этих архивов, вопреки обыкновению, не сохранились), — О. Буша, Д. де Сент-Марта и особенно Э. Иснара — подсказывает другой ответ⁶⁰. Дело в том, что никто из них не ссылается на происходя-

щие из тулонских архивов документы старше XIII в., что позволяет предположить, что по крайней мере древними грамотами они не были богаты и до 1789 г. Поскольку самые ранние документы муниципального архива Тулона, как будто совсем не пострадавшего в годы революции и считающегося одним из самых богатых в стране, также датируются XIII в.⁶¹, исчезновение материалов предшествующего периода следует, вероятно, отнести на счет каких-то очень давних событий. Скорее всего, они погибли в ходе налетов арабских пиратов в 1178 и в 1197 гг. Во всяком случае, вопрос о восстановлении архива тулонских епископов поднимался уже в 1218 г. папой Гонорием III, обратившимся для этого за помощью в один из расположенных неподалеку от Тулона монастырей⁶². Этот пример напоминает нам, что деформация средневековых архивных фондов началась задолго до Революции — вывод принципиальный как с точки зрения оценки ее роли в этом процессе, так и с точки зрения корректности заключений о репрезентативности дошедших до нас комплексов документов. Очевидно, что решение этой последней задачи предполагает изучение каждого архива на протяжении всей его истории, включая революционные годы как один из наиболее критических моментов; только после этого можно будет нарисовать общую картину, хотя бы в региональном масштабе. На сегодняшний день работа такого рода остается музыкой будущего.

Великая французская революция оказала мощное воздействие на развитие исторической мысли XIX в. Революционное двадцатипятилетие не богато историческими исследованиями, но было бы заблуждением считать его мертвым сезоном медиевистики и историографии в целом. Конечно, люди той эпохи не столько изучали историю, сколько вершили ее, а когда все-таки оглядывались в прошлое, устремляли взоры не столько к ненавистному, отвергаемому и преодолеваемому средневековью, сколько к окутанной гражданственной героикой античности. Тем не менее революция наложила на французскую медиевистику XIX в. весьма ощутимый отпечаток. Не говоря уже о том, что она привлекла внимание историков к вопросам собственности, экономической подоплеке войн, самой изменчивости общественных форм, для развития исторической науки очень сильным импульсом явилась уже огромная встряска, пережитая в те годы феодальными архивами.

Уже в ходе самой революции началось осознание того, что отрицание прошлого, стремление отмахнуться, отречься от него и его забыть пагубно для общества. Прозрение коснулось в первую очередь памятников искусства. «Рабы и варвары презирают и портят их, — говорил осенью 1794 г. Грегуар, — свободные люди

⁵⁸ Laborde L. de. Op. cit. P. 23—25.

⁵⁹ Létrait J.-J., Alain R. Guide des Archives du Var. Draguignan, 1979. P. 131.

⁶⁰ Bouche H. Chorographie ou description de Provence et l'histoire du mesme pays. Aix, 1664; Sainte-Marthe D. de. Gallia Christiana in provincias ecclesiasticas distributa. . . P., 1715. T. 1; «История Тулона» Этьена Иснара (1591—1656) не опубликована, но на нее ссылаются многие авторы. Наиболее информативны в этом плане следующие работы: Lambert G. Histoire de Toulon. P., 1886. Vol. 1; Bouisson E. Histoire des évêques de Toulon. Toulon, 1927; Jean M. Le Père Etienne

Isnard, premier historiographe de Toulon // Provence historique. 1985. T. 34. P. 47—51.

⁶¹ Teissier O. Inventaire sommaire des Archives communales. Ville de Toulon. Toulon, 1866. P. 254.

⁶² Histoire de Toulon, sous la dir. de M. Agulhon. Toulouse, 1980. P. 22.

сохраняют и окружают заботой»⁶³. Изживание враждебного отношения к архивам, уяснение их значимости как неотъемлемой части культуры происходило медленнее. Дону старался зря: не только французские (все-таки более или менее известные по монографиям XVII—XVIII вв.), но и таинственные, прежде практически недоступные архивы римских пап и испанских королей не вызвали у его современников, по сути дела, никакого интереса.

Судя по книге регистрации посетителей, с 1803 по 1816 г. за историческими справками в Национальный архив обратилось всего 7 человек, среди которых не было ни одного медиевиста⁶⁴. И даже много позднее, в период Реставрации и в первые годы Июльской монархии, историки были редкими гостями в архивах, а те были совершенно не готовы их принять. Еще в 1846 г. появление Л. Делиля в Пале Субиз вызвало замешательство его служителей, заметивших посетителю, что все столы у них заняты, а сам он вряд ли понимает, как много времени потребует задуманная им работа⁶⁵.

Что же касается провинциальных архивов, то вплоть до 40-х годов XIX в. их зачастую не касалась рука не только историка, но и архивиста⁶⁶. «Век историков» как науки еще только начинался.

Воздадим, однако, должное тем, кто ратовал за изменение отношения к древним документам задолго до основания Школы хартий. О ценности феодальных архивов для изучения несчастного, но по-своему героического прошлого уже в 1797 г. писал как будто вполне добропорядочный республиканец Л. Боск — один из первых авторов революционной эпохи, обратившихся к изучению «средней» истории. Поддавшись на его уговоры, администрация департамента Авейрон опубликовала обращение к согражданам с призывом подписаться на книгу Боска. Ведь если она не увидит свет, множество интереснейших фактов будет навсегда предано забвению, поскольку сами документы как содержащие ненавистные свидетельства феодального порабощения справедливо приговорены к сожжению⁶⁷. К слову сказать, враждебное отношение к архивным материалам, отражающим деятельность идейно-политического противника, было присуще не только революционерам, но и контрреволюционерам. Когда в мае 1793 г. роялисты ворвались в маленький севенский городок Шанак, они поспешили сжечь все акты гражданского состояния начиная с 1789 г.⁶⁸ Шуаны, захватив в октябре 1799 г. Сен-Брие, также

сочли необходимым разгромить муниципальный архив⁶⁹. Спустя несколько десятилетий такое было уже невозможно.

Постепенно утверждалось понимание того, что документ — это памятник эпохи и только, что его нельзя судить так же, как действующих лиц этой эпохи. В ходе работ по восстановлению и систематизации феодальных архивов понемногу сформировалось и представление (чуждое эрудитам XVII—XVIII вв.) о том, что архив ценен не одной лишь сохранностью, но и первоначальной целостностью, нарушать которую — преступление перед будущими исследователями и обществом в целом.

⁶³ Gazette Nationale ou le Moniteur Universel. T. 22. P. 92. Cp.: Sprigath G. Sur le vandalisme révolutionnaire (1792—1794) // Annales historiques de la Révolution française. 1980. A. 52. P. 510—535.

⁶⁴ Laborde L. de. Op. cit. P. 430—432.

⁶⁵ Braibant Ch. L'Histoire fille des Archives. P., 1959. P. 9—10.

⁶⁶ См., например, воспоминания О. Тьерри об архиве г. Амьен в 1836 г.: Recueil des monuments inédits de l'histoire du tiers état. P., 1850. Avant-propos. P. V.

⁶⁷ Bosc L. Mémoires pour servir à l'histoire du Rouergue. P., 1879. P. 1—2.

⁶⁸ André L. Op. cit. P. 110.

⁶⁹ Saint-Jouan R. de. Op. cit. P. 13.